

ПОЛИТЕХНИК

ОРГАН ПАРТКОМА, ПРОФСОЮЗНЫХ КОМИТЕТОВ, КОМИТЕТА ВЛКСМ И РЕКТОРАТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ М. И. КАЛИНИНА

№ 24 (2964)

Вторник, 5 сентября 1989 г.

Выходит с 22 апреля 1926 г.

Цена 2 коп.

Сегодня в номере

- «Я был в меньшинстве...» (беседа с членом Верховного Совета СССР А. А. Денисовым). 1-я стр.
- Продолжаем разговор о «политэкономии бюрократизма». 2-я стр.
- К 90-летию нашего института: подготовительное отделение. 3-я стр.
- Писатель В. Б. Кривулин рассказывает об эмиграции и эмигрантах... 4-я стр.

Десять вопросов депутату

Беседа с членом Верховного Совета СССР А. А. Денисовым

ПЕРВЫЙ Съезд народных депутатов СССР и заседания сессии Верховного Совета СССР с огромным вниманием встречены в стране. Не в последнюю очередь избирателей интересует, как работал на заседаниях (и в «кулуарах») их избранник. По поручению редакции газеты «Политехник» наш общественный корреспондент задал ряд вопросов народному депутату СССР, члену Верховного Совета СССР профессору ЛПИ Анатолию Алексеевичу ДЕНИСОВУ.

— К сожалению, вам пока не было предоставлено «полновесного» слова для выступления на Съезде и в Верховном Совете. Но тем не менее телезрители видели, как вы несколько раз подходили к микрофону. Расскажите, в чем суть ваших предложений, замечаний или реплик и как на них отреагировали депутаты.

— Прежде всего хотел бы отметить, что каждый депутат находился под двусторонним давлением обстоятельств. С одной стороны, в ряде случаев была нужда высказаться по существу вопроса, да и избиратели требовали активности, с другой стороны, пробиться к трибуне было крайне трудно, к тому же страшило возможное подозрение в том, что выступающий делает это ради популярности среди телезрителей.

Поэтому я, во-первых, выступал только в случаях крайней необходимости и, во-вторых, всегда анонимно, не называя себя. Вместе с вопросами и репликами таких выступлений было 5.

В первый раз я донимал А. И. Лукьянова репликой, что, если Президиум Верховного Совета в течение 6 часов не знает, что творится в столице союзной республики (Тбилиси), то это значит, что он не владеет ситуацией в стране. В последний раз я внес компромиссное предложение насчет Комиссии конституционного надзора, которое после ухода литовской делегации со Съезда пришлось принять, хотя М. С. Горбачев и Съезд первоначально были против.

В «кулуарах» писал статьи, давал интервью, совещался в ленинградских депутатских и с другими депутатами, заседал в Совете Старейшин Верховного Совета СССР.

— Подавляющее большинство избирателей с одобрением встретили решение Съезда об отмене статьи 11¹, которая квалифицировала дискредитацию и оскорбление должностного лица как строго наказуемое государственное преступление. Таким образом, был выполнен один из наказов тысяч ваших избирателей, с которыми вы ехали на Съезд. Интересно, какой была реакция на предложение об отмене статьи авторов этого Указа (имеется в виду Президиум «старого» Верховного Совета) и народного депутата академика В. Кудрявцева, который в ряде публичных выступлений объяснял необходимость этой статьи и ее «прогрессивный» характер? Сколько депутатов выступило против отмены статьи 11¹?

— Отмена статьи 11¹ вызвала дружную поддержку, в том числе и Президиума, и Кудрявцева, поскольку ранее Верховный суд истолковал дискредитацию как клевету и тем самым сделал эту статью бессмысленной, т. к. Уголовный кодекс уже содержит статью о клевете.

— Во время прямых телевизионных передач мы упустили кое-что из процесса голосования, в том числе и лично вашего. Не могли бы вы рассказать подробнее о тех случаях, когда ваш голос оказался в меньшинстве?

— Я был в меньшинстве, когда голосовал за включение Оболенского в список для выборов Председателя Верховного Совета, за свою резолюцию по Конституционному комитету, против Н. И. Рыжкова и в ряде процедурных вопросов. Добавлю однако, что если бы Оболенский был все же включен в бюллетень, я бы голосовал за М. С. Горбачева.

— В телеинтервью, которое в какой-то степени стало продолжением предвыборных теледебатов, говорилось об обращении группы ленинградских депутатов в поддержку народного депутата академика А. Д. Сахарова. Кто, кроме вас, Ж. И. Алферова и Ю. Ю. Болдырева, подписал это обращение?

— Специально я не интересовался этим, но подписей было много. Хотя подписали обращение не все 49 депутатов.

— А где, кстати, можно ознакомиться с текстом обращения и кому оно адресовано?

— Обращение адресовано Съезду и передано в секретариат для издания в материалах Съезда.

— В каких постоянно действующих органах Верховного Совета вы будете работать и ваши личные планы по подготовке осенней сессии Верховного Совета?

— Как уже говорилось, я состою в Совете Старейшин Верховного Совета, а также в комитете Верховного Совета по экологии и рациональному использованию природных ресурсов. Верховному Совету предстояло утвердить структуру и персональный состав правительства (это почти 60 человек), а также разработать и принять ряд законов, в том числе — законы об изменении порядка и размеров налогообложения населения, об изобретательской деятельности, о качестве продукции и защите прав потребителя, общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой и др.

— Как известно, на период с 12 по 19 июня был объявлен

перерыв в работе Верховного Совета. В это время вы были в Ленинграде. Чем занимались в этот период?

— Я встречался с избирателями ЛПИ, на заводе «Красный Октябрь», в исполкоме Калининского райсовета и на своей кафедре. Участвовал в пресс-конференции в обкоме КПСС, давал интервью газетам и радио, пытался организовать прием посетителей в исполкоме во время моего отсутствия в Ленинграде и подготовить условия для организации «свободной зоны» в нашем регионе.

— Если не секрет, назовите, пожалуйста, ваших единомышленников в составе ленинградской группы депутатов.

— Секрета, разумеется, никакого нет, однако должен заметить, что, судя по голосованию, чаще всего наша группа выступает довольно дружно. Все же чаще всего я соглашаюсь с Ежелевым, Собчаком, Никольским.

— Все мы видели по ТВ, что вы голосовали за Сухарева при утверждении его на пост Генерального прокурора СССР. Почему? Ведь ваш голос был в числе тех 6 решающих, которые обеспечили Сухареву необходимый минимум для утверждения. Значит ли это, что вы не поддерживаете Гдляна и Иванова в их борьбе с узбекской и московской мафиями?

— Я голосовал за Сухарева, поскольку в дебатах он продемонстрировал компетентность и юридическую грамотность, которых, увы, многим не доставало. Связи с судьбой Гдляна и Иванова я в этом не вижу, поскольку любой юрист обязан был бы указать на нарушение закона, которых они не избежали в своей в целом праведной работе. Закон есть закон, и все его нарушители (как взятники, так и следователи) должны быть ответственны перед ним, хоть тяжесть содеянного теми и другими не сопоставима. Впрочем, все это должно установить парламентская комиссия.

— Кто и как помогает народному депутату СССР и члену Верховного Совета А. А. Денисову в его деятельности в Москве и Ленинграде? Как рядовому избирателю округа № 50 можно вступить в контакт с ним?

— Пока депутат получает 200 рублей, чтобы содержать консультанта, помощника. Но оказавшись в Москве, я обхожусь своими силами, а деньги перевел в исполком Калининского райсовета, чтобы мои доверенные лица могли осуществлять еженедельный прием там с помощью юриста и решать ряд вопросов на месте. Если же потребуются мое вмешательство, они будут обращаться ко мне в Москву. Впрочем, раз в месяц по третьим пятницам я буду прилетать в Ленинград и принимать в исполкоме с 16 до 20 часов. Кроме того, в ЛПИ создается при парткоме особая группа помощи депутату, которая сама сможет помогать избирателям при моем непосредственном участии.

8 сентября — День памяти жертв блокады Ленинграда

Задача непростая...

В ПЛАНАХ войны против Советского Союза гитлеровское командование придавало первостепенное значение захвату Ленинграда, который рассматривался как важнейший центр промышленности, крупный торговый порт и железнодорожный узел. Овладев им, противник устанавливал бы господство на Балтике и, сомкнувшись с финнами, перебросил бы освободившиеся войска для захвата Москвы и других городов страны.

Это понимали все, поэтому сражение за Ленинград приняло такой упорный и ожесточенный характер. Сломив оборону наших войск, с упорными боями 8 сентября 1941 года немцы прорвались к устью Невы и захватили город Шлиссельбург. Кольцо замкнулось — началась блокада.

Город оказался отрезанным не только от продовольственных районов, но и от энергосистемы. Быстро переоборудованные для военных нужд фабрики и заводы, мастерские и артели остались без достаточной электроэнергии. Были разрушены почти все подстанции и линии электропередач. К концу сентября во всем городе работало только пять тепловых электростанций, но их номинальная мощность резко сократилась из-за недостатка топлива: быстро замирает движение трамваев и троллейбусов, замерзает водопровод, парализуется работа оборонных заводов. В январе 1942 года в работе остался всего лишь один генератор мощностью 2300 кВт.

В этих невероятно тяжелых условиях Ставка Верховного Главнокомандования предложила разработать проект передачи электроэнергии от Волховской ГЭС в блокадный Ленинград подводным кабелем через Ладожское озеро. Кабель для спасения города должен был изготовить ленинградский завод «Севкабель», но цеха его были сильно разрушены. Героические усилия затратили инженеры и рабочие, восстанавливая оборудование. Но уже 24 августа 1942 года по железной дороге на берег Ладоги, в бухту Морье прибыли первые платформы, груженные барабанами с кабелями.

Задача стояла непростая — требовалось проложить пять параллельных кабельных линий, каждая длиной 22,5 км. Но инженеры нашли выход: кабели загрузили в специальные баржи и под прикрытием темноты начали прокладку. Буксир тянул баржу, на которой находилась половина кабельной линии. Палубная и трюмная команда со скоростью 4 км в час осторожно опускала кабель, внимательно следя за тем, чтобы не образовалась петля и не произошло скручивание кабеля, грозившее изломом оболочки. Люди брали очередной круг кабеля на руки и направляли его в спускной лоток. Муфту, вес которой был 220 кг, подцепляли краном, и с помощью лебедки водолазы опускали на дно. За ночь сделали намеченное. Вторую половину кабеля уложили в одну из последующих ночей. Водолазы тщательно контролировали трассу: снимали кабель с подводных валунов и гидромониторами замыкали его в грунт у берегов, чтобы проходящие суда не повредили его.

Прокладку линии осуществляли всегда ночью и очень аккуратно, так, чтобы каждый новый кабель не пересекался с предыдущим. Но последний — пятый — прокладывали в экстремальных условиях: тральщик, которому отводилась роль буксира, пришел в бухту с большим опозданием. Чтобы уложиться в график, пришлось приступить к работе днем. Когда была пройдена половина пути, в небе показались «юнкерсы». Зенитчики открыли огонь. После налета 11 кабельщиков, солдат и моряков погибло, 20 получили ранения. На буксире начался пожар... Водолазы принялись заделывать пробоины в барже. Кабель обрубали, а его свинцовую оболочку запаляли, к концу прикрепили два буйка и сбросили в воду. Через несколько ночей прокладку завершили.

23 сентября 1942 г. была включена первая кабельная линия. Энергетическая блокада была прорвана! Город ожил: пошел первый трамвай, на предприятиях заработали станки, двинулись застывшие краны, в хирургических палатах ярче вспыхнули лампы. «Электросила» наладила производство мин, парфюмерная фабрика — гильз для минных зарядов, макаронный завод стал выпускать артиллерийский порох, «Красная Бавария» — авиабомбы. Полученная ладожская электроэнергия сыграла большую роль в обороноспособности города, к тому же более трех тысяч ленинградских домов получили электричество, так необходимое голодным и изможденным людям.

Д. КУЗНЕЦОВ,
сотрудник кафедры
«Электрическая изоляция,
кабели и конденсаторы»

Все это было, было, было...

Размышления о власти и партии

НА СОВЕЩАНИИ партийного актива Ленинграда один из выступающих внес предложение создавать автономии областей вплоть до создания правительств области. Вероятно, он исходил из государственного устройства США. Возникает вопрос, нужно ли ходить так далеко за примерами, тем более, что они мало применимы в наших условиях?

Исторический опыт нашей страны настолько богат, мы делали так много гениальных находок и не менее гениальных глупостей, что в собственной истории можем найти почти все, в том числе и опыт автономии областей. Достаточно вспомнить Русь перед нашествием Батыя, чтобы понять цену такой автономии, благодаря которой одно из самых передовых государств того времени было брошено под копыта кочевых племен. Именно автономия удельных княжеств да изгом, личные амбиции которым были дороже Родины (теперь для них мы нашли более благозвучное название с латинским корнем), обеспечили трехвековое иго. Еще больше примеров можно найти, обратившись к истории Европы, в которой были и демократии, и диктатуры, и монархии, и революции. Попробуем систематизировать этот опыт.

Исследованиями психологов показано, что индивидуальные особенности людей подчиняются, как и следовало ожидать, распределению Гаусса, то есть гении и идиоты сравнительно редки, основная масса человечества обладает средними способностями. Этот естественный закон нельзя не учитывать, обсуждая социальные вопросы, в том числе и вопросы социального строя. Рассмотрим с этих позиций прежде всего истинно демократический строй, то есть строй, при котором не только провозглашено, но и технически обеспечено волеизъявление всего дееспособного населения (под техническим обеспечением подразумевается наличие достаточного количества черепков для голосования — как это было в Афинах, или современное компьютерное обеспечение референдумов, или, наконец, любые другие формы организации подсчета голосов, исключающие подтасовку результатов и давление на голосующих).

Совершенно очевидно, что наличие упомянутого ранее распределения приведет к равновероятному провалу как безнадежно глупых идей и кандидатов, ибо их глупость будет очевидна большинству, так и чрезвычайно умных (на уровне гениальности) идей и кандидатов, ибо их мудрость будет совершенно непонятна тому же большинству. Непосредственным же следствием этого будет хронически «серое» руководство, «серые» решения возникающих проблем и, как следствие, прогрессирующее отставание государства от своих соседей, которое заканчивается либо утратой самостоятельности, либо переворотом и установлением диктатуры. Как правило, первый диктатор (монарх) — весьма незаурядная личность, способная обеспечить резкий рывок в развитии страны. Исторических примеров тому достаточно.

Однако любая диктатура организует то, что мы называем сейчас командно-административной системой управления, в которой беспощадно подавляются люди, представляющие по своим качествам потенциальную угрозу диктатору.

Человечество давно искало способы, позволяющие вырваться из этого замкнутого круга путем создания своего рода элиты то в виде олигархии, то правящего класса, то кастовой системы. Однако каждая такая система, имевшая в основе наследование привилегий, приводила в конце концов к вырождению элитарного слоя.

Мне, не историку, трудно судить, чем руководствовался Владимир Ильич, организовав партию нового типа, но цель ее создания вполне очевидна — собрать в партии людей наиболее передовых по их личным качествам, а не по праву рождения, людей, которые могли бы выдвигать, понимать и, самое главное, объяснить всему народу передовые идеи и решения и обеспечивать интенсивное развитие общества в условиях демократии. Такая партия и была создана.

Первый удар по ней нанесла гражданская война, где подлинники коммунисты шли в первых рядах, первыми получали пули и сабельные удары. Победа была завоевана дорогой ценой, и здесь-то был партии нанесен второй удар — массовое пополнение партийных рядов. Партия перестала быть авангардом, она стала слепком общества, и в ней пошли те же самые процессы, препятствовать которым она была призвана. Такие ситуации известны, они требуют многопартийности, то есть опять же демократии, но уже не для отдельных личностей, а для их объединений. Подобный опыт был в России при Николае II (26 партий при самодержавной монархии!), что, вероятно, и привело к поражению в русско-японской войне и распутищине. Поэтому такой путь представляется мало перспективным.

Остается единственное — возврат к ленинской партии — партии нового типа, объединению наиболее передовых людей общества. Для этого представляется необходимым сделать следующее (часть этих предложений в том или ином виде уже была высказана многими):

1. Прием кандидатом в члены КПСС производить по рекомендации трудового коллектива или общественных организаций, признаваемых КПСС (комсомол, профсоюз, Союз композиторов, общество «Знание» и т. п.). Собрание первичной парторганизации, решающее вопрос о приеме кандидатом в члены КПСС, устанавливает также продолжительность кандидатского стажа в пределах от 1 до 3 лет. Коммунисты дают рекомендации только для приема в члены КПСС.

2. Практиковать регулярные, например, раз в 5 лет, отчеты коммунистов на собраниях трудовых коллективов. Неудовлетворительный результат отчета должен рассматриваться на собрании первичной парторганизации как персональное дело.

3. Ввести институт почетных членов КПСС, имеющих право участия во всех мероприятиях парторганизации с правом совещательного голоса, выполняющих, если они того желают, разовые партийные поручения, уплачивающих партвзносы в размере 1 рубля в месяц независимо от дохода. Почетным членом КПСС может стать по решению первичной парторганизации коммунист с партстажем не менее 15 лет, за время пребывания в партии занимавший выборную должность и не имеющий партвзысканий.

Возможно, есть еще и другие меры, но мне кажется, что даже предложенные смогут вернуть партии роль авангарда.

В. КИОНАЛЕНКО,
секретарь партбюро отделов
управления

ЧТО ТАКОЕ социализм? Это режим демократического централизма в практике хозяйствования, а значит — и во всех других сферах общественной жизни. Без централизма экономическая демократия вырождается в рыночное хозяйство. Без демократии социализм оборачивается командной экономикой.

Оба эти уклона в своих начальных формах не содержат элементов эксплуатации. Однако простые товарные отношения свободного рынка (если они преобладают в системе общественных связей) неизбежно перерастают в капитализм. Административно-командные методы управления создают условия для бюрократической эксплуатации. Да, Сталин боролся с бюрократами. Но сталинские методы этой борьбы (сводившиеся к террору «сверху» вместо контроля «снизу») оказались хуже всякого бюрократизма и всякой упорядоченной эксплуатации вообще. К тому же объективно эти методы лишь упрочивали бюрократические структуры.

Стремление «вождей народа» предотвратить бюрократизацию «приказного социализма» всегда имело тот же эффект, что и попытка мелкобуржуазных социалистов найти лекарство от дифференциации товарладельцев на капиталистов и пролетариев. В обоих случаях по логике развития раз установившихся систем возникают привилегированные группы, узурпирующие распоряжение собственностью, отчуждающие непосредственных производителей и верховных правителей от средств производства. Но капиталист и бюрократ осуществляют это отчуждение разными способами, выкачивают прибавочный труд из рабочих неодинаковыми методами, концентрируют в своих руках экономическую власть над обществом несхожими приемами.

Коллективная собственность равноправных тружеников может быть разрушена двоякого рода процессами. Либо нарушается равенство совладельцев общей собственности, либо идет дробление общей собственности на частные хозяйства с последующим разорением мелких собственников крупными. Две основные дороги классового разложения «вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 165). Причем корень зла не в самом обособлении управленческих функций от непосредственно производительных, а в отсутствии контроля исполнителей за управляющими, в результате чего последние становятся в более высокой степени совладельцами коллективного имущества, нежели первые. Без надзора со стороны народа «первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращается в господина над ними» (там же, т. 20, с. 184), и выполнение должностной функции из общественного поручения становится предлогом для эксплуатации.

Особенно опасно в этом плане наследие честных и умелых администраторов, оставляющих после себя народу привычку доверять любому решению начальства, не подвергая сомнению его компетентность и добрую волю, заботу о благе трудящихся.

Власть бюрократа над исполнителем работ базируется на разностепенности субъектов коллективной собственности. Власть капиталиста над рабочим предполагает разномасштабность объема частной собственности разных лиц. Таким образом, основанием эксплуатации может стать и частная собственность, и корпоративная. На базе последней отдельный бюрократ обладает собственностью лишь в силу должности, подобно кельтскому главе клана или феодалу, которые были собственниками в силу титула. («Нет сеньора без титула», — говорили в средневековой Франции.) К стати сказать, Маркс в «Капитале» специально противопоставлял право собственности в силу титула праву

«ПОЛИТЭКОНОМИЯ БЮРОКРАТИЗМА»

ДВА УКЛОНА

В ПРОШЛОМ учебном году для студентов двух групп читался курс политэкономии бюрократизма (см. «Политехник» № 20). В этом году круг изучающих новый предмет расширился. Между тем, методические пособия по курсу пока отсутствуют.

Учитывая пожелания студентов и преподавателей, редакция «Политехника» публикует статью, освещающую основные моменты полугодового курса политической экономии бюрократизма.

частной собственности (там же, т. 23, с. 740).

Личная служба на благо организации, осуществляющей функции верховного собственника, входит в определение собственности бюрократа так же, как она входила когда-то в определение собственности феодалного землевладельца и античного гражданина.

Нет ничего принципиально нового и в разностепенности совладельцев общего достояния. В Европе такие отношения связывали патриция с плебеем, сеньора с вассалом, мастера с учеником и подмастерьем. В чжоуском Китае дифференциация совладельческих прав на неделимый объект собственности развилась в систему иерархического соподчинения пяти рангов, из которых ни один не состоял из полноправных собственников, а трудились лишь члены низшей ранговой группы. Именно реальная размытость собственнических отношений по социальной вертикали в доколониальной Индии позволяла английским колонизаторам волонтеристски изображать единственными собственниками земли заминдаров — потомственных сборщиков налогов или райатов — наследственных крестьян.

В бюрократических извращениях частной и общественной собственности нет практического новшества или теоретической загадки. Перед нами обычные, тривиальные, набившие оскомину историкам докапиталистические структуры присвоения. Возрождение подобных структур в эпоху антикапиталистических революций не имеет ничего общего ни с укреплением социализма, ни с восстановлением капитализма. Это некапиталистическая реакция против социализма, качественно отличная от буржуазного термидора. Различие прослеживается буквально по всем параметрам.

Капиталист концентрирует экономическую власть накоплением частной собственности, бюрократ — умножением выгод служебного распоряжения людьми и вещами. Для ведения паразитической жизни за счет народа бюрократ пользуется натуральными привилегиями, а капиталист — денежным богатством. Распределение жизненных благ по труду, по стоимости (простых товаров, капитала, рабочей силы) и по социальному статусу человека (закрепленному званию, должностью, рангом, титулом) — это три разных принципа обмена. Им соответствуют отношения между людьми как работниками, или товаровладельцами, или чиновладельцами.

Подчиненный «прикован» к начальнику личным отношением служебной субординации. И это совсем не похоже на вещную зависимость наемника от работодателя, оформленную как рыночный обмен дела на деньги. Социалистическая связь между людьми по общественной значимости их работ — третий тип связи, несводимый ни к личной, ни к вещной зависимости.

Там, где нет места самодисциплине трудящихся собственников, власть имущие наводят порядок на производстве либо дисциплиной голода, либо дисциплиной палки. Принудительный труд за плату тем отличается от вольнонаемного труда, что в одном случае человеку обеспечивают существование, чтобы заставить его работать, в другом же случае, наоборот, человек вынужден трудиться, чтобы добыть средства к жизни. Маркс объяснял просто: подневольный работник — фактический собственник предметов потребления (в размере прожиточного

минимума), наемный рабочий при капитализме — собственник своей рабочей силы.

Личная несвобода работника означает гарантию обладания минимумом жизненных средств при обязанности трудиться, и притом на определенном хозяине (индивидуального или коллективного), которого нельзя сменить по желанию, но который может ограничивать сферу приложения подчиненной ему рабочей силы территориально и профессионально, изменять место, время и характер труда работника без его согласия.

По способу подчинения работника современному бюрократу типологически сходен с феодалным бароном, древнеримским патрицием, старокитайским мандарином, которые «напрямую» командовали людьми без всяких товарно-денежных околичностей.

Капитализм ограничивает потребление работника количественно — размером его кошелька. Бюрократический контроль за каналами трудового обмена создает дефицит, ограничивающий потребление работника качественно, но сохраняющий иллюзию количественного предела (деньги есть, осталось в «закрытый» буфет пробиться). Напомню, что согласно марксистской теории прямая качественная ограниченность объема потребления характерна для раба и крепостного.

Капиталист живет частным обменом, через который только и устанавливается в товарпроизводящем обществе связь индивида с общественным целым. Бюрократ стремится опосредовать работу людей друг на друга изъятием и распределением произведенной продукции органами центральной власти в своем лице. Таким опосредованием достигается подчинение труда бюрократу — формальное подчинение, затрагивающее одну социальную форму материальных благ, или подчинение реальное, если оно касается и движения физической субстанции продукта.

В погоне за прибылью капиталист экономит на всем, вплоть до жизни работника — бюрократ тратит на пропалую принадлежность государству жизни и средства, тратит зачастую даже без всякой видимой выгоды для себя лично, но с пользой для всей бюрократической корпорации: ведь чем больше государственных трат, тем большая часть человеческих жизней и тем большая доля общественного продукта в своем движении от производителя к потребителю проходит через руки бюрократа; тем крепче его власть над обществом.

Если капиталистический закон народонаселения состоит в относительном избытке трудящихся, а бюрократический закон народонаселения ведет к «перепроизводству» членов привилегированных групп (как в античном мире и при феодализме), то действительно социализм с наличием «лишних» людей.

Централизованная координация экономики, подчиненная контролю самоуправляющихся трудовых коллективов, призвана также покончить с капиталистическим законом «лишних» товаров и бюрократическим законом «лишних» денег.

Либерально-буржуазная анархия общественного производства и его деполитическая централизация противоположны друг другу, но одинаково далеки от социалистического идеала самоорганизации трудящихся.

В. УСЕНКО,
к. э. н., ассистент кафедры
политэкономии

К 90-летию нашего института: ПО

БУДЕМ РАБОТАТЬ ВМЕСТЕ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ отделения при институтах были созданы по инициативе В. И. Ленина в первые годы существования Советской Республики. Страна остро нуждалась в специалистах, интеллигенция, готовая служить новой власти, была малочисленна, а прием детей интеллигентов в институты был резко ограничен. Молодая республика искала пути решения кадрового вопроса.

Вот тогда-то и были созданы рабфаки, которые должны были готовить рабочую и крестьянскую молодежь к поступлению в вузы. В 1920 году В. И. Ленин подписал декрет о создании рабфаков, и уже 15 октября того же года начал работу рабфак при нашем институте.

Рабфаки существовали вплоть до Великой Отечественной войны, через них прошли тысячи молодых людей, составивших костяк советского студенчества, новой советской интеллигенции.

Прошли годы, и снова наше общество обратилось к рабочим факультетам: нужно было улучшить качественный состав студенчества, увеличив в нем прослойку людей, связанных с производством. Так в 1969 г. на новом витке советского общества снова возникли рабфаки.

На подготовительном отделении с отрывом или без отрыва от производства (при вечерней форме обучения) учатся те, кто пришел с производства или из рядов Советской Армии по рекомендации своих трудовых или армейских коллективов. Эти люди, как правило, обладают зрелым уровнем мышления, общественной активностью, что делает их естественными лидерами в достаточно пестром контингенте студенческих групп. И в учебе, и в общественных организациях, и в стройотрядах они оказываются в числе первых, фор-

мируя ядро студенчества, определяя социальный уровень данного коллектива, в конечном же итоге — современного специалиста.

Преподаватели ПО делают все, чтобы ликвидировать пробелы в знаниях у ребят, максимально используя занятия, проводя консультации, занимаясь индивидуально с теми, кому это особенно необходимо. А вот о слушателях не всегда можно сказать, что они полностью используют возможности отделения: кто-то случайно оказался в этом институте, кто-то никак не может собраться, все ждет «того понедельника», у кого-то просто хромает дисциплина, у кого-то есть «объективные» причины. Здесь большую роль могла бы играть комсомольская организация ПО, но ее работа порой носит чисто формальный характер, о чем говорили слушатели, отвечая на вопросы анкеты, проведенной в конце этого учебного года.

В новом учебном году большое внимание будет уделяться не только лекционной и практической

работе слушателей, но и работе самостоятельной. Студенты должны иметь навыки работы с книгой, со справочником, уметь найти литературу по тому или иному вопросу, уметь отстаивать свою точку зрения, ее аргументировать.

В этом учебном году значительно шире, чем в прошлом, вводится курс информатики и программирования, по-новому должны быть организованы занятия по физическому воспитанию.

Подготовительное отделение собирает своих слушателей со всех концов нашей страны. Ленинград так много может дать каждому для развития его духовного мира, расширения его кругозора! Поэтому на отделении предусматривается большая внеаудиторная работа, и здесь тоже многое зависит не только от преподавателя, но и от слушателя, его активности, его желания всюду побывать, все посмотреть, обо всем услышать.

НА СНИМКЕ: ст. преподаватель ПО Е. П. Березина со своими воспитанниками.

ВЫПУСКНИКИ ПО

Исполнение мечты

ПО НЕСКОЛЬКУ лет каждый из нас пробовал стать студентом, но безрезультатно. И вот после окончания ПО мечта исполнилась.

Правда, было немножко грустно: пришлось расстаться с преподавателями, которые очень хорошо к нам относились. Они приложили максимум усилий для того, чтобы мы вспомнили школьную программу, узнали много нового. Преподаватели подгото-

вительного отделения как настоящие ленинградцы делали все, чтобы мы полюбили город Ленина. Нам никогда не забыть этих интересных экскурсий по городу, прекрасных экскурсоводов, которые показывали нам город с большой к нему любовью. Каждый из нас частичку этой любви унес в своем сердце. Мы все покорены городом на Неве.

ВЫПУСКНИКИ ПО

«Я был ошеломлен...»

...ЗАТРУДНЯЕШЬСЯ «найти» начало своих впечатлений. По всей вероятности, это вид ночного города. В Ленинград я прилетел ночью. Погода стояла прекрасная, на небе ни одного облачка, и я имел возможность любоваться ночным городом с высоты птичьего полета. Геометрически правильные формы кварталов, фонари, горящие на улицах, подчеркивали всю строгость, всю прелесть очертаний. Город светился и сверху был похож на поляну, где очень много светлячков.

Первое время я ходил по городу, боясь что-нибудь упустить. Ленинградские мосты... Первый мост, который мне довелось увидеть, — Аничков. Еще издали видны угловые фигуры: конь, вставший на дыбы, и человек, который изо всех сил пытается усмирить коня. Мост создает впечатление человеческой силы, умения и воли, стремления покорить непокорное, обуздать непослушное.

Разводные мосты впечатляют размерами. Даже не верится, что пролеты, имеющие огромный вес,

могут легко оторваться от опоры и подняться.

На Дворцовой площади я был ошеломлен — Зимний дворец поражает не столько размерами, сколько строгостью, холодной, неприступной красотой, всем своим парадным величием.

В Медном всаднике чувствуется неудержимая воля. Суровое выражение лица, конь, вставший на дыбы, глыба, на которой стоит памятник. Глядя на Петра, чувствуешь, что он был безжалостен, грозен. А сумрачное здание Петропавловской крепости невольно наталкивает на мысль, что, несмотря на красоту своего шпиля, она — грозное и страшное в прошлом здание.

К сожалению, разочаровала Нева: передо мной текла спокойно, не спеша, мутная река. В моем же представлении Нева была чистой и прозрачной.

Ленинград строг и подтянут и всем своим видом показывает, что не зря о нем идет такая громкая слава.

И. ХАН,
6-я гр.

МАТЕРИАЛЫ ЭТОЙ СТРАНИЦЫ СОСТАВЛЕНЫ БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ИЗ ОТЗЫВОВ О ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ЕГО ВЫПУСКНИКОВ. ВСЕ ОНИ СЕГОДНЯ — СТУДЕНТЫ ЛПИ. В ОСНОВНОМ ИНОГОРОДНИЕ, РЕБЯТА ВСПОМИНАЮТ О САМЫХ ЯРКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ОТ ПРЕБЫВАНИЯ В НАШЕМ ГОРОДЕ.

СПАСИБО, ПЕДАГОГИ!

СБЫЛИСЬ наши желания, мечты — мы стали студентами Ленинградского политехнического института. Позади же незабываемые впечатления о подготовительном отделении.

Трудно было сначала, не скрою. Но трудности незаметны, когда преодолевать их помогают люди, полностью посвятившие себя своей работе. И когда ты чувствовал, что что-то уже можешь, то испытывал необыкновенное удовлетворение от достигнутого.

Рабфак — это не только учебное, это еще и познавательное учреждение. Наши преподаватели оказались не только хорошими специалистами в своих областях знаний, но и интересными людьми, знатоками своего города, влюбленными в него. Почти ни один выходной не прошел даром, даже в течение недели находили, выкраивали время для экскурсий.

За такое короткое время мы многое узнали: познакомились с историей Питера, с литературным Ленинградом (дома-музеи писателей, поэтов), искусством (театры, художественные музеи), с замечательными пригородами (Петродворец, Пушкин, Павловск), оставляя в себе все полученное как заряд энергии на предстоящую неделю.

За время жизни на ПО мы, конечно же, все сдружились, нашли близких друзей. Хочется сказать огромное спасибо всем тем, кто принял участие и вложил столько сил, чтобы мы учились дальше. Спасибо вам, дорогие учителя!

В напутствие будущим «пэшникам» хочется сказать: берите все, что вам дадут на рабфаке. Ведь ПО — это такой этап, который может повлиять на вашу дальнейшую жизнь.

С. ЗОРИН,
студент I курса ФМетФ

Доброта ленинградцев

МНОГИЕ восхищаются архитектурой города Ленина, музеями, памятниками старины, и это действительно стоит восхищения. Но меня больше всего поразили отношения между людьми.

У всех, кто впервые попадает в незнакомый город, появляется много вопросов и проблем (хоть и маленьких). Мне кажется, спроси любого прохожего, и он поможет чем может, даже если занят и спешит. Я бывал в разных городах, но здесь, в Ленинграде, такое доброе отношение к людям нельзя не заметить.

Если говорить о музеях, памятниках, театрах, то, наверное, не хватит жизни, чтобы увидеть все интересное. Здесь каждый может найти для себя что-то. Лично мне очень понравился в Русском музее. Раньше я видел репродукции картин, но когда видишь оригинал, это не передать словами. Я думаю, такие экскурсии много дают: узнавать новое всегда интересно. Жаль только, когда не хватает времени везде успеть.

С. НЕЧАЕВ,
I гр.

В гостях у писателя

Этому восприятию способствует и обстановка в квартире, воссозданная кропотливым трудом реставраторов и сотрудников музея. Из переписки Достоевского, газет того времени и других документов узнаешь не только жизненный и творческий путь писателя, но и обычаи, нравы, повседневную жизнь тогдашнего Петербурга. Все впечатления, связанные с посещением музея Достоевского, я надолго запомню.

А. ВДОВЫЧЕНКО,
I гр.

В музее Блока

...ЭКСКУРСОВОД рассказывала так, что казалось — Блок рядом, он только что вышел и скоро вернется. Квартира находится в жилом доме, и ее обстановка создает живую картину. Кажется, что попадаешь в гости к большому и давно знакомому человеку, узнаешь о его жизни, его тяготах и радостях. И от этого радость познания нового в жизни и творчестве поэта становится еще больше и светлее.

После таких экскурсий хочется заново перечитать не только произведения писателя, но и книги о его жизни. Искать новое, интересное.

С. МУРАВЬЕВ,
выпускник ПО

Об эмиграции и эмигрантах

Беседа общественного корреспондента
«Политехника» с писателем В. Б. Кривулиным

Виктор КРИВУЛИН почти не издавался у нас (за исключением множества публикаций в «самиздате», лишь несколько раз выходили подборки его стихов в различных сборниках). А за границей вышли три книги и около 500 статей. Однако его знают и среди «шестидесятников», и нынешнее поколение молодежи.

Но, думаю, нашим читателям имеет смысл подробнее представить собеседника.

Виктор Борисович, расскажите немного о себе.

Пишу стихи лет с 15—16. Тогда, в конце 50-х, поэт в компании был приблизительно то же самое, что сегодня человек с гитарой. После школы поступил на филфак ЛГУ. На пятом курсе чуть было не вылетел. А дело было так. Подал заявление о выходе из ВЛКСМ, где написал что-то вроде того, что надоело впустую сидеть на собраниях, на которых лишь поднимают руки, что не согласен с Уставом в том виде, в котором он существует. Естественно, из комсомола меня тут же вышибли, и, по всем правилам, должны были выгнать и из Университета. Но спасла наша бюрократическая машина. Пока документы на исключение гуляли где-то по Москве, я успел защитить диплом, а через два дня пришел приказ... об отчислении. Вроде все обошлось, но работу мне оказалось найти практически невозможно. Долго мыкался в ее поисках, наконец, с трудом устроился в Дом санитарно-гигиенического просвещения, где и работаю до сих пор. Занимался вместе со своей первой супругой Татьяной Горичевой изданием (ставшим вторым после «Синтаксиса» Олега Гинзбурга) литературного самиздатского журнала «37». На это дело нас вдохновили знаменитые выставки художников в ДК им. Газа и ДК Невском, состоявшиеся в 1974—1975 годах. Столь странное название журнал получил от номера квартиры, в которой я тогда жил. Первый номер «37» вышел в конце 1975 года, а всего было выпущено 21 номер журнала. Являюсь членом «Клуба 81».

Недавно Кривулин побывал по частному приглашению во Франции. Во время поездки, длившейся 3,5 месяца, он много ездил по стране, посетил Швейцарию и ФРГ, встречался со многими русскими советскими писателями, поэтами, художниками, находящимися в эмиграции...

Мне, наверное, повезло. Я видел практически весь спектр европейской эмиграции: различные течения, позиции, группы. Что меня поразило, пожалуй, больше всего — это расслоение и разнообразие эмиграции. Я, конечно, и раньше слышал, что она не однородна, но до такой степени...

Условно нашу эмиграцию можно разделить на три группы: одни в своем творчестве ориентируются на русскую культуру, другие — на американскую, третьи пытаются ассимилироваться во французской или американской культуре (в зависимости от страны пребывания). Конечно, в культурном отношении эмигрантам очень сложно. Мне кажется, я почувствовал, понял, что такое эмиграция — это состояние, когда человек «вывозит» с собой свое время. И они стремятся законсервировать, сохранить то, что «вывезли». Поэтому им непросто воспринимать французскую или американскую культуру, вживаться в нее. Хотя

американская культура дает больше возможностей для ассимиляции, она более универсальна (не случайно те, кто живет в Америке, чаще пытаются писать по-английски. Например, есть такие попытки у Бродского — ведь он, кроме всего прочего, автор блестящих эссе на английском). Показательно, что во Франции ни один русский писатель не пытается стать французским, даже отлично владея языком — скрывается различие культур.

Среди тех, кто относится к третьему из перечисленных направлений, можно назвать писателя Эдуарда Лимонова, художников Заборова и Купермана (Купера), кстати, последний — один из самых «дорогих» сейчас художников. Имена, которые я перечислил, практически неизвестны в нашей стране, но пользуются значительным успехом там именно потому, что ассимилировались.

Известно, что во Франции выходит несколько русскоязычных изданий. Расскажите, пожалуйста, о них.

Конечно, эмигрантам-художникам влиться в западную культуру легче, чем поэтам и писателям. Но русскоязычные газеты и журналы играют большую роль в этой среде. Весь сложный конгломерат русской эмиграции во Франции концентрируется вокруг нескольких точек. В их числе и «Континент» — один из старейших эмигрантских журналов, возглавляемый Максимовым. Он существует уже более 15 лет. Фактически это — выехавшая на Запад в начале 70-х часть старого «Нового мира» — его авторы и даже члены редакции. И дух того «Нового мира» в какой-то степени там остается до сих пор. Журнал сразу же занял достаточно непримиримую и острую позицию. Сейчас он находится в противоречивом состоянии по отношению к перестройке. То, что происходит у нас, не может не радовать, с одной стороны, того же Максимова, но в «Континенте» относятся к переменам осторожно.

Тут надо сказать, что людей, которые бы не принимали перестройку, врагов перестройки как таковых, среди нашей эмиграции на Западе нет. Другое дело как оцениваются происходящие у нас события — как временные перемены или как необратимый процесс.

К тем, кто восторженно принимает перестройку, относится часть эмиграции, связанная с журналом «Синтаксис» и Синявским. «Синтаксис» менее фундаментален, чем «Континент», он полемичен. Это журнал, где главную роль играет не литература, а разговор о литературе, о политике. И во многом благодаря темпераменту жены Синявского, Марии Васильевны, журнал боевой.

Между этих крайних точек есть центристская позиция. Ее представляет «Вестник РХД», основанный еще в 20-х годах Бердяевым и Булгаковым, как литературно-философское, богословское издание. Собствен-

но говоря, это продолжение «Нового пути», издававшегося Мережковским в начале века. Журнал ориентируется, в основном, на первую эмиграцию. И, несмотря на определенный консерватизм, это издание очень высокого уровня. В нем, правда, не так часто, как в «Синтаксисе» или «Континенте», печатаются и авторы из Советского Союза.

Любопытная эволюция происходит в последнее время с газетой «Русская мысль», которую у нас так ругают, но которую я читал со все возрастающим интересом. Причина здесь в том, что сегодня 80 процентов материалов поступает в «Русскую мысль» из СССР. Это единственное издание, которое дискутирует с советской прессой, вступает в полемику, например, с «Московскими новостями», «Огоньком». Да, в этой газете есть и острокритические, и тенденциозные материалы, и зачастую даже антисоветские, но сама направленность «Русской мысли» резко изменилась за последние годы. Об этом говорит хотя бы то, что там появляются статьи лучших советских критиков, филологов. Кроме того, «Русская мысль» замечательно своими уникальными литературными приложениями. Это публикации Мандельштама, Хлебникова и др. Их готовят ученые с мировым именем, люди, которые действительно хотят что-то сделать для русской культуры. Причем приложения распространяются бесплатно.

И есть еще одна, совершенно особая часть эмиграции, о которой я не упомянул, — это первая эмиграция, вернее, уже ее дети. С одной стороны, они воспитывались в русской культуре, с другой — их пронизывает культура Франции. Даже русский язык, которым они владеют, какой-то не живой, выхолощенный. Тем не менее определенные амбиции у них остались и о России они стараются не забывать.

Есть среди эмигрантов первой волны и такая позиция: сознательно отвернуться, сделать вид, что ничего из происходящего на Родине их не интересует. При этом, не выказывая интереса, жить интересами того мира, который окружает. Именно так поступает, например, Вера Евсеевна Набокова. Кого она, как вы думаете, знает из советской литературы? Ильфа и Петрова, Зощенко, Ахматулину, которая у нее была в гостях, Распутина — и все. Этими именами ограничивается для нее картина нашей литературы.

Как нашим эмигрантам живется на Западе? Насколько свободны они в вопросах творчества, удается ли им реализовать свой потенциал, осуществить замыслы?

У нас бытует мнение, что стоит нам только позвать их и они сразу рванутся назад. Нет, это заблуждение. Родина — Родиной; но они привыкли, обжились, да и, кроме того, многие опасаются, что перестройка может быть свер-

нута.

Если говорить о стороне бытовой, экономической, то, конечно, в основной массе эмигранты живут неплохо. Правда, здесь есть нюансы. И Франция, и другие страны Западной Европы обладают небольшим количеством энергетических ресурсов. В силу их дороговизны и традиций народ живет очень экономно. Тот стиль жизни, который мы видим в Ленинграде или Москве, там невозможен. К этому привыкают, но для кого-то это нелегко.

Если же говорить о творчестве, то писатель на Западе все-таки не защищен. Он вынужден постоянно возобновлять интерес к своему имени, чтобы существовать. А уж если он провалился — это провал на всю жизнь. Поэтому писатель отвечает за то, что он делает. (У нас же автор, принятый в Союз писателей, принят как бы пожизненно, это уже рента до гробовой доски.) За рубежом вообще очень жесткая зависимость писателя от издателя, а художника — от владельца галереи, в которой он выставляется. Галерейщик диктует стиль, и ты не вправе его изменить.

Увы, того, что было в 10—20-е годы, когда русские художники были частью мирового культурного процесса, сейчас нет, как нет за границей и целостного художественного лица русского искусства. Есть мода на перестройку, и на этом фоне некоторые делают деньги на картинах, превращая их в объект спекуляции. Это совершенно не тот уровень, на котором существует американская или итальянская культура в Париже, а просто политическая мода.

Поэтому еще сложнее, и не только нашим эмигрантам, но и самим французам. Даже книги лучших авторов, изданные тиражом 500—600 экземпляров, подолгу не раскупаются.

И все-таки, кого там знают из наших авторов — я имею в виду не только эмигрантов.

Наши представления о том, насколько на Западе известна наша литература, зачастую ошибочны. Вот хотя бы такой пример. Теоретически мы должны предполагать, что все знают лауреата Нобелевской премии Бродского. Однако, я был в компании интеллигенции, причем не просто образованных людей, а психоаналитиков, философов, и оказалось, что из 15 человек лишь один знает имя Бродского. Интерес к поэзии нет. Разве что наблюдается определенный взлет интереса к рок-поэзии, но здесь лидируют американцы. Зачастую тиражи эмигрантских книг больше, чем тиражи французских сборников.

Приблизительно то же самое касается советских писателей. И фактически у советской литературы на сегодняшний момент (как и у живописи) нет того престижа, того лица, которое было у нее в 20—30-е годы, когда она действительно была явлением. И в то же время интерес к русскому авангарду, к советской литературе 20—30-х годов сохранился до сих пор. Так, Мандельштам относится к числу наиболее популярных из европейских поэтов.

Можно ли говорить, что в связи с переменами, которые у нас сейчас происходят, этот интерес возродится и наша литература вновь сможет выйти на мировой уровень?

Интерес к перестройке заставляет, конечно, интересоваться и советской литературой, но я знаю, что многие на Западе разочарованы нашими произведениями, вокруг которых у нас идет полемика. Разочарованы, скажем, Рыбаковым. Потому что это пересказ уже известного для западного читателя. Мы все время упускаем из вида: то, что мы сегодня говорим правду о себе, вовсе не означает, что эта правда не была сказана кем-то уже десятилетия назад. В этом была огромная роль эмигрантской литературы, в первую очередь Солженицына, являющегося одним из самых известных русских писателей после Толстого и Достоевского. Хотя небольшой перелом в отношении к нашей культуре на Западе все же наблюдается. И очень важно его использовать, важно, чтобы действительно высокохудожественные вещи переводились, были достоянием читателя.

Хорошо, тогда поставлю вопрос так: что надо сделать для того, чтобы наши авторы заняли достойное место на мировом пьедестале?

Это сложный вопрос. Мне кажется, что писатели, которые стали известны за годы брежневской эпохи, лишены возможности свободно ориентироваться в мировой культурной ситуации. Должно прийти новое поколение, которое сейчас начинает заявлять о себе. Но относительного мирового пьедестала... Сложно говорить, поскольку сейчас литература не является лидирующим видом искусства. Должно пройти по меньшей мере 5—10 лет, чтобы новое поколение набрало силу. Конечно, оно должно быть шире, разностороннее. Оно должно быть не связано местными провинциальными штампами, локальными идеями. Оно должно быть поколением людей, вобравших в себя все лучшее, что есть в мировой культуре.

И последний вопрос. Из ваших друзей, знакомых, с которыми вы делали первые шаги в творчестве, «киных уж нет, а те далече». А у вас никогда не возникало желание уехать?

Зачем? Правда, кое-кто очень хотел, чтобы я уехал (в 80-м году компетентные органы мне недвусмысленно намекали сделать это). Но я всегда знал, что мой дом именно здесь.

Вел беседу
А. ГОРШКОВ,
выпускник ЛПИ

НАШ АДРЕС:

ул. Политехническая, д. 29,
I учебный корпус, к. 332

ТЕЛЕФОН: 552-64-17

Газета выходит
один раз в неделю